

ВРЕМЯ СПРОСИТЬ

**КАЗАХСКИЙ
языковой
УЗЕЛ**

Государственным языком признан русский?

В мире 6–7 тысяч языков. Британский ученый Дэвид Кристл в книге «Смерть языков» пишет, что каждые две недели умирает один язык. ЮНЕСКО бьет тревогу: в переизданном в 2009 г. «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» значится: 2498 языков могут навсегда исчезнуть. Однако эта статистика фиксирует лишь смерть языков. Сам же процесс угасания языков сложный и противоречивый, ускоренный распространением Интернета. «Страдают» даже международные языки. Например, русский на протяжении последних 15 лет неуклонно утрачивал свои позиции в мире и со временем может переместиться с 4 места на 7 по количеству носителей языка.

Бег на месте

В природе умирает все – и материальная, и духовная культура, в том числе и языки. Наша проблема в том, осознает ли эти процессы государство, и насколько научно решаются языковые проблемы, создаются ли условия для развития казахского языка.

Казахский в языковой «иерархии» мира занимает приблизительно 70-е место. Вроде бы обнадеживающее положение – в первой сотне, и имеет статус государственного языка. На самом же деле существенную роль играет языковая ситуация, языковая политика и давление мировых языков. У нас роль государственного языка де-факто выполняет русский, а казахский играет декоративную роль. При наличии одного мирового языка активно внедряется второй – английский. Дело не в том, что не надо изучать английский и другие иностранные языки. Проблема в том, что с советских времен они изучаются в казахской аудитории на русском языке (словари, пособия, зарубежная литература и т.д.), прямые контакты казахского с иностранными языками отсутствуют или слабы.

Поэтому международные встречи ведутся в основном на русском. По этой же причине одно из международных положений – знание государственного языка при получении гражданства – в РК относится к русскому языку, а не к казахскому: иностранец не может изучить казахский напрямую, ибо посредником выступает русский язык.

Это положение закреплено и в проекте «Государственной программы функционирования и развития языков на 2011–2020 гг.», где говорится об открытии центров изучения русского языка для оралманов, иностранцев, а казахского языка для иностранцев – нет. То есть разработчики проекта по одному из основных функций языка признают государственным языком русский.

Эта проблема – отсутствие межъязыковых контактов – не поднималась даже с принятием «триединства языков». До сих пор нет Центра перевода с мировых языков на казахский с подготовкой профессиональных переводчиков, до сих пор вся мировая информация поступает к нам на русском языке, из которой лишь небольшая часть с русского переводится на казахский.

Социолингвистический тупик

Другая большая проблема – отсутствие Института казахского языка (или социальной и прикладной лингвистики), которую постоянно поднимает Мухтар Шаханов. Отсутствие социолингвистической науки является причиной функциональной неразвитости казахского языка, принятия неадекватных программ развития языков. Например, решение правительства о переходе делопроизводства на казахский язык в 1990-е гг., который отодвинули до 2010 г., а теперь – до 2020 г. Эти решения приняты без научного анализа языковой ситуации, без конкретного механизма реализации.

Для исследований проблем функционирования казахского языка в обществе – изучения уровня знания языка среди разных возрастных и этнических групп, причин его низкого усвоения, методики обучения языку, адаптации языка к изменяющимся условиям, его компьютеризации и т.д. – у нас не имеется специального института.

По этой причине нет ответа на простой вопрос: какой процент населения и на каком уровне владеет языком? Даже сейчас дается противоречивая статистика: если официальные органы говорят о 60% всего населения, в том числе 70–80% казахов и 25% русских, владеющих казахским языком, то неофициальные источники – о 40% казахов и 5% русских.

Отсутствие социальной лингвистики подтвердил и директор Института языкознания К.Хусаинов, который по своему статусу занимается фундаментальными исследованиями, проблемами общего языкознания, историей языка.

Нужна государственная программа по расширению сферы применения казахского языка, его кодификации (совершенствования языковых норм) и модернизации языковой системы.

С социолингвистикой тесно связана прикладная лингвистика, которая занимается решением практических задач использования языка. Это совершенствование письменности, стандартизация языка, упорядочение научно-технической терминологии, создание лексической основы для компьютеризации языка, автоматического перевода и др.

У нас же Терминком работает на общественных началах и собирается раз в 2–3 месяца.

Компьютеризация языка идет медленно и на низком уровне: используемые термины и словосочетания малопонятны – так же, как и слова в автоматическом переводе, количество сайтов мизерно, казахский поисковик занимает одно из последних мест среди языков стран СНГ. Что говорить о компьютеризации, если до сих пор системно не решена проблема русских заимствований и связанные с ней вопросы орфографии, орфоэпии, стандартизации языка.

О каком объективном языковом портрете можно говорить, если до сих пор не разработан образовательный стандарт казахского языка в русскоязычной аудитории, сама методика определения уровня знаний казахского языка?! Поэтому никто не знает: на каком уровне, какой объем знаний языка должны усвоить в русских детсадах, школах, вузах, что оборачивается его незнанием большинством выпускников русских школ. Порой в вузах казахский язык изучают как для начинающих, будто не было школьной программы, т.е. огромные деньги уходят в песок.

Статистика как двигатель языка

Если основная тенденция предыдущей программы развития языков сводилась к переходу делопроизводства на казахский язык, то новая программа основной упор делает на обучение, методику овладения казахским языком. В итоге переход делопроизводства породил лишь институт перевода с русского на казахский язык: начальным языком большинства документов по-прежнему остается русский, а это функция государственного языка.

Эти программы имеют статистическую «защиту»: основным «аргументом» разрешения языковой проблемы являются количественные показатели. Например, в новой программе говорится о росте количества казахских детских садов, школ, центров изучения казахского языка, об издании многочисленных словарей и т.д. (Кстати, многие словари очень дорогие, поэтому малодоступны; нет их электронных вариантов). И без анализа предыдущей программы, без реальных механизмов реализации планируется к 2020 г. довести знание государственного языка среди выпускников школ до 100% (!), взрослого населения до 80% (!), делопроизводство – до 100%.

Такие выкладки не основаны на каких-то социолингвистических исследованиях. Наоборот, анализ тестовых заданий по казахскому языку для русской школы опровергает все радужные перспективы. В тестах по казахскому языку присутствует грамматика и отсутствует проверка устной и письменной речи, а это основной показатель владения языком. Такое ЕНТ можно пройти, не владея языком даже как иностранным (!). Поэтому необходимо совмещение ЕНТ с традиционным видом контроля – письменным (диктант, изложение, сочинение) и устным.

При росте казахских учебных заведений происходит их слабое качественное сопровождение. Это дефицит детской, юношеской, научной, переводной мировой и другой литературы: книжная продукция

на казахском языке составляет всего около 5% от количества изданий на русском языке за исключением специализированных магазинов местных издательств по продаже учебников, пособий и т.д. По этой причине уже с малых лет ребенок чувствует недостаток информации на казахском языке, ибо мало интересных детских книжек, песен, спектаклей, телевизионных передач и фильмов. Сегмент казахского Интернета едва ли составляет 1%. Без информационного наполнения – книг и Интернета – нет будущего языка.

Слабость, порой даже несостоятельность функции казахского языка в литературе – научной, детской, научно-фантастической, переводной и др. – результат советской языковой политики и отсутствия языковой реформы в годы независимости, условий для развития языка. Положение казахского языка отражает нынешняя статистика библиотек: русскоязычные читатели составляют 82%, казахскоязычные, за вычетом иноязычных читателей, – около 15%. Это показатель наличия не только читателей, но и информации на казахском языке: достаточно сравнить объем каталогов на русском и казахском языках.

Простые решения

Язык развивается на основе развитой литературы. Недаром М.В.Ломоносов проводил реформу русского языка вместе с модернизацией литературных жанров. Отсутствие Литературного института, как и Института казахского языка, имеет прямое отношение к количеству и качеству казахской литературы, СМИ. С этой проблемой тесно связано книгоиздательство.

Принятие в Казахстане закона о книгоиздательстве затянулось. Необходима поддержка издательств через механизм льготного налогообложения. У нас до сих пор нет государственной политики в книгоиздательстве и книготорговле.

Чтобы приблизить казахстанские издательства и авторов к российским условиям, необходима собственная бумага, которая, может быть, и будет дороже российской, но не настолько, как привозная. Экономически это более выгодно, чем огромные дотации в издание книг, на которые наше государство не идет. Или необходимо достичь межправительственных соглашений по удешевлению бумаги.

Многие проблемы решил бы и закон «О государственном языке», о принятии которого настаивают сторонники госязыка во главе с М.Шахановым – для его выполнения будут задействованы неработающие механизмы реализации, созданы новые институты. Однако председатель Комитета по языкам Бауыржан Омаров недавно заявил, что надобности в таком законе нет: мол, новая программа развития языков имеет законодательную основу.

В самом деле, зачем нужен закон, когда новая программа (как и старая) закрепляет положение государственного языка за русским языком? Это дает основание перевести языковые проблемы в политическую плоскость и рассматривать сторонников казахского языка как оппозицию(!), что мы наблюдаем на протяжении последних лет. Даже если ныне это противоречит Доктрине национального единства.

Дастан ЕЛЬДЕСОВ